

Т.В. Смирнова

Крестьянские волнения в связи с закрытием Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры

Игуменом Андроником (Трубачевым) подробно рассмотрена ситуация первых послереволюционных лет в Сергиевом Посаде, когда решались вопросы о закрытии Троице-Сергиевой лавры как монастыря, вскрытии мощей преподобного Сергия Радонежского, находившихся в Троицком соборе, попыток вывоза мощей из города, сокрытия главы Преподобного и т.п.¹. Приведены многочисленные документы и письма на эту тему. Но остались не освещенными события 1921 года, когда жители окрестных сел и деревень выступили на защиту своего права молиться у мощей Преподобного. Они изложены в нескольких делах, хранящихся в архиве ФСБ РФ.

7 мая 1920 г. местный исполком своей властью распорядился запереть Троицкий собор, хотя незадолго до того, 20 апреля 1920 г., был подписан декрет об обращении в музей историко-художественных ценностей Лавры, и здания Лавры, в том числе Троицкий собор, переданы в ведение Наркомпроса. По просьбам верующих председатель ВЦИК М.И. Калинин распорядился открыть собор для богослужения в Троицкие праздники 1920 г., но на второй день праздника местная власть стала насильственно удалять верующих из храма. Итак, доступ к мощам Преподобного был перекрыт. Даже члены Комиссии по охране памятников искусства и старины Лавры могли теперь входить в Троицкий собор только по особо оформленным пропускам. Местные власти продолжали обсуждать вопрос об удалении мощей, в частности о передаче их в один из московских музеев.

И вот в июне 1921 года крестьяне Сергиевского уезда и примерно половины Александровского уезда Владимирской губернии организовано выступили с просьбой открыть Троицкий собор и обеспечить доступ к мощам. Провели сходы в деревнях и селах и выбрали делегатов. 12 июня

делегаты (более ста человек) собрались в Сергиеве возле Пятницкой церкви (близ Лавры) в определенный час и избрали пять уполномоченных для ходатайства перед местной и центральной властью. Те обратились в Сергиевский исполком, оттуда их направили в Москву. На заявление, поданное во ВЦИК, ответ поступил в августе 1921 г., но не от ВЦИКа, а от Президиума Московского Совета со ссылкой на мнение Наркомюста. В просьбе об открытии Лавры было отказано².

Власти посчитали инцидент исчерпанным. О. Андроник (Трубачев) приводит письмо VIII-го ликвидационного отдела Наркомюста в канцелярию президиума ВЦИК и в президиум Московского совета от 1 июля 1921г., где говорится, «что с закрытием Троицкой лавры в качестве религиозного центра в Сергиевом Посаде резко намечается оздоровление атмосферы при полном отсутствии каких бы то ни было волнений, что местное население к закрытию Лавры относится индифферентно, об открытии Лавры ходатайствуют, как то установлено председателем местного исполкома, главным образом, посторонние лица, как, например, проживающий в Москве некто Игнатъев»³.

Но власти рано успокоились. Скоро от одного из агентов заведующему Сергиевского Политбюро поступил рапорт о намеченном на 18 сентября 1921 г. новом собрании. В сентябре снова сотни жителей сел и деревень Сергиевского и Александровского уездов прислали представителей с мандатами за подписью председателей сельсоветов. Когда делегаты собрались, их задержали.

Из протоколов дознаний видно, что некоторые крестьяне получили в Сергиеве на базаре «летучки» (листовки) без подписи, в которых предлагалось прислать «одного делегата с Общественным приговором для совместного обсуждения и ходатайства перед Центральной властью об открытии Троицкого собора» и сообщалось, что «собрание состоится в

воскресенье 18 сентября в 12 час. дня у Благовещенского О-ва потребителей против церкви Пятницы»⁴.

На допросах у арестованных добивались: от кого получил «летучку». Дошли до Игнатьева, того самого, который был упомянут и в вышеупомянутом июньском письме. Трое показали на него. Но на нем следствие затормозилось. Что же это за человек?

К моменту ареста Сергею Никитичу Игнатьеву, жителю деревни Псареве Сергиевской волости Сергиевского уезда, исполнилось 44 года. Он окончил сельскую школу, был беспартийным. Четверо его детей и жена жили в Москве. Сам он считал, судя по протоколу допроса, родом своих занятий – хлебопашество, хотя с Октябрьской революции до ареста служил в районной управе, а потом работал в хозяйственном отделе Краснопресненской Москоммуны агентом по транспорту. В конце апреля был уволен и выехал на родину, в Псареве, на сельскохозяйственные работы. После этого несколько раз приезжал в Москву – привозил семье продукты.

Обвиняли Игнатьева в том, что он раздавал «летучки» для нового собрания. Но он упорно это отрицал. Обыски, проведенные и в Псареве, и в Москве, на квартире, где жила семья Игнатьевых, ничего не дали. 25 сентября Игнатьева поместили в одиночную камеру Сергиевской тюрьмы. Передачи и свидания были ему запрещены. Записка, которую он послал своему отцу с просьбой принести продукты и некоторые вещи, очевидно, передана не была, так как оказалась приобщенной к делу⁵.

Игнатьеву сделали очные ставки с двумя крестьянами, которые подтвердили, что «летучки» получили от него. Однако он упорно все отрицал. Жители Псарева собрали сход и просили освободить Игнатьева и отдать арестованного им на поруки, но получили отказ.

Уполномоченный Сергиевского Политбюро Селиванов 3 октября указал в заключении по делу Игнатьева С.Н., что тот, «будучи от природы одарен суровым и сдержанным характером, очевидно, решил, что пусть меня

хотя и расстреляют, но я не выдам тех людей, которые работали с ним об открытии собора»⁶. Селиванов предложил дело Игнатьева направить в Политбюро МЧК для приговора к высшей мере наказания «как руководителя-подстрекателя трудящихся масс против существующей власти». С этим согласился заведующий Сергиевским Политбюро Бакатин и 3 ноября арестанта препроводили в Москву, в Тюремный подотдел МЧК⁷.

Приговорен был Игнатьев к высылке в Северодвинскую губернию, но по амнистии к 4-й годовщине Октябрьской революции освобожден в ноябре 1921 г. К сожалению, неизвестно, какова была судьба этого мужественного человека. Как сказано в документе о его реабилитации, сведений о нем и о его родных прокуратурой Москвы не найдено. Реабилитирован он 11 июня 2002 года⁸.

Вот несколько документов (с сохранением орфографии) в делах «Об открытии Троицкого собора» написанных то писарским почерком, то каракулями.

В Сергиевский уездный исполком

От граждан деревни старо Желтикова

Прозба

Мы нижеподписавшиеся граждане выше упомянутова селения постановили просит сергиевский исполком об открытия собора преподобного Сергея так что ни одна национальност не нарушала и не нарушает своей религии и мы граждане все едино гласно просим удовлетворит нашу прозбу вчем и подписуемся.

(Подписи)

В Сергиевский Уездный Исполком

*Гр. деревни Туракова
и села Подсосенья*

Желая поддерживать религию своих предков мы члены религиозной общины просим оказать нам содействие в ходатайстве перед Центральной властью об открытии Лаврских церквей и собора с хранящимися там мощами Преподобного Сергия. Храня заветы своих предков мы граждане все древности хранящиеся в Лавре считаем священными и дорогими для нас как по религиозным убеждениям так и по историческим воспоминаниям.

Уполномоченным по приложенному ходатайству нами избран гражд. Степан Кириллов Струмилин.

(Подписи)

1921 г. июня 13 ч.

ПРИГОВОР

Гражд. Деревни Бобошина Ботовской волости Александр. Уезда. Мы граждане собравши на сельской сходе и обсуждали Вопрос о службе церковной, у Преподобного Сергия чтобы служба происходила как и раньше в мирное время. Мы граждане желаем молиться и религию ненарушаем, с чем удостоверяем с сельского схода и расписуемся. (Подписи)

Уполномачиваем с приговором С. Заварзина

Пред. Сел. Совета п/п

Серетар п/п

Член п/п Печать Бобошинского сельского совета

Приговор

1921 год. 27 мая Стар Стиль

Общего собрания Гр.-н дер. Лискиной Владимирской Губ.

Александров. Уезда Ереминской Волости

Мы ниже подписавшейся Гр.-не Ереминской Волости, дер. Лискиной, при собрании полного схода, вприсутствии Мужского и Женского пола от 18

лет и старше из 200 человек. Религиозного чувства, Имели суждение, поповоду вскрытия Троицко-Сергиевского Собора и так-же Мощей Преподобного Сергия, и приобсуждени дела все Единогласно постановили: Втом что желам, что-бы был вольной ход приоткрытия Означенного Монастыря и также Мощей Преподобного Сергия для Религиозного Чувства Православного всего Народа. И согласно сего приговора выбраньи из среды нашего собрания уполномочены походатайству выше Изложенного Петра Казакова. В чем подписуемся вместе и за неграмотных Гр.-н и по их личной прсьбы равно и за себя расписался Артемий Денисов. (Подписи)

С приложением Сельской Печати и подписи

Председатель п/п

Вот одно из таких удостоверений.

1921 года синт 17 дня

Уполномочия

Дано уполномочия Гражданину отграждан Деревни Наполска Ивану Кубишину Поделу Ходатаства для от крытия Троицкого Собора.

Фчем удостоверяю

Прет сел совет ИПавлов

Сиклетар А. Маликова

Приговор

*Общества граждан деревни Язвицы, Рогачевской волости,
Александровского уезда Владимирской губернии*

1921 года сентября 16 дня. Мы нижеподписавшиеся граждане деревни Язвицы сего числа на нашем сельском сходе в присутствии председательствующего общества Д.А. Амостова, имели суждение о имеющих в Сергиевском посаде 18 сентября сего года по делу открытия Троицкого собора в Сергиевском посаде, причем все единогласно ПОСТАНОВИЛИ: ходатайствовать перед Советской властью об

открытии такового собора для необходимых и религиозных нужд населения нашего общества, состоящего численностью 295 человек. Для чего избрали представителем нашего общества Павла Самойлова Рыжова снабдив его на сей предмет надлежащим удостоверением, в чем и подписуемся:

Председатель Язвицкого сельского совета /Амостов Д. /

Граждане деревни Язвицы: Ф.Боков, П.Савватеев, Баринов, Коришунов, Тим. Боков, В. Баринов, С.Баринов, А. Павлов, А. Никифоров и т.д⁹.

В Совет Народных Комиссаров

От Православно-верующих гражд.

Села Выпукова Рогачевской вол.

Владимирской губ. Александровского у.

Заявление

Мы Православно-верующие граждане села Выпукова Рогачевской вол. Владимирской губернии Александровского уезда количеством (221) двести двадцать один человек живем в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике в стране Свободы но чувствуем себя несвободными в том что наша Высокочтимая святыня Свято-Троицкая Сергиевская лавра закрыта. Наши не твердые умы думают, как же так живем в свободной стране? И вдруг насилие: нам кажется, что если мы значимся на бумаге свободными, то мы должны чувствовать себя свободными и на деле. Мы еще удивляемся на то какая же контр Революционность замечена со стороны Совета Народных Комиссаров в Православной религии в частности, а в монастырях в особенности.

Мы просим Совет Народных Комиссаров дать согласие на открытие Свято-Троицкой Сергиевской лавры для религиозных нужд Православно-верующего населения.

Подписи

Председатель п/п

Многочисленные просьбы об открытии собора от жителей сел и деревень Сергиевского и Александровского уездов, как правило, написаны от руки. Текст «Приговора» деревни Язвицы напечатан на машинке. Следователь не оставил этот факт без внимания и сделал наискось надпись: *«Алексей Михайлович Никифоров печатал на заводе приговор и удостоверение, работает в кладовой»*. Речь идет об удостоверении уполномоченного П.С. Рыжова, заверенном подписью председателя сельсовета и печатью. Оно также содержится в деле. Из протокола дознания Рыжова Павла Самойловича 65 лет узнаем, что этот А.М. Никифоров работал на Троицком снарядном заводе и сам предложил там отпечатать документы.

Рассмотрев пять томов дел по вопросу открытия Троицкого собора и обвинению Игнатьева С.Н., можно сделать такие выводы. Прежде всего, крестьянство в окрестностях Сергиева Посада было религиозно, несмотря на то, что большинство было малограмотно или вовсе безграмотно – многие просили расписаться за себя других. В тяжелый 1921 год, когда царили разруха и голод, тысячи деревенских жителей чувствовали настоятельную потребность просить помощи и защиты у преподобного Сергия. И крестьяне еще не были запуганы. Об этом свидетельствует уже то, что, хотя с самого начала новая власть проводила антирелигиозную политику, люди собирались и подписывали просьбы о доступе к мощам Преподобного. А председатели сельсоветов простодушно удоставляли эти просьбы и мандаты уполномоченных. И не успокоились крестьяне после первого отказа, а обращались на самый верх, к Калинину. Невозможно представить что-то подобное в 30-е годы. Очевидно, тогда, в 1921 г. они еще верили, что действительно пришла власть рабочих и крестьян, и не опасались репрессий.

¹ Андроник (Трубачев), игумен. Закрытие Троице-Сергиевой лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918–1946 гг.» М., 2008.

² Архив ФСБ. Дело Моск. Губ ЧК «Об открытии Троицкого собора». Начато в июне 1921.

³ Андроник (Трубачев), игумен. Закрытие Троице-Сергиевой лавры ... С. 282–284.

⁴ Архив ФСБ РФ. Дело Моск. Губ. ЧК. Начато 18 сентября 1921 г., кончено 3 октября 1921 г. Л. 1.

⁵ Архив ФСБ РФ. Дело Моск. ЧК, № 6803 «По обвинению Игнатъева Сергея Никитича. Л. 14–24.

⁶ Там же. Л. 26.

⁷ Архив ФСБ РФ. Дело Моск. ЧК. Секретный отдел. Агентурное 1963. По обвинению Игнатъева Сергея Никитича. Начато 4 октября. Л. 20.

⁸ Архив ФСБ РФ. К Делу № 6803 Моск. ЧК. Секр. отд. По обвинению Игнатъева Сергея Никитича. Начато 4 ноября 1921 г. Л. б/№, 12, 13.

⁹ Первой стоит подпись Ф. Бокова, очевидно отца известного советского поэта Виктора Бокова, родившегося в деревне Язвицы, где несколько лет назад был открыт музей поэта.

Опубл.: Кадашевские чтения. Сборник докладов конференции. XIII. С. 66–71.